

Е. П. ПЕШКОВА

Начало моих воспоминаний об Алексее Николаевиче Толстом относится к очень отдаленным временам, вероятно к осени 1890 года. Я тогда училась в Самарской гимназии. С компанией подруг мы любили

убегать после уроков погулять в Струковский сад. Гулять без взрослых нам не разрешалось, и мы зорко глядели по сторонам, чтобы не попасться на глаза нашей классной даме.

В один из таких дней, пройдя по главной аллее сада, мы присели на лавочку, которая окружала могучее развесистое дерево. Хорошо было сидеть и наблюдать за гуляющими.

Около нас села мать с прехорошеньким мальчиком,

не похожим на других детей. Мальчик был одет в темный бархатный костюм, курточку с большим кружевным воротником и короткие штанишки. На ногах — носочки и туфли с бантами. Мальчик нам понравился, и мы окрестили его «маленький лорд Фаунтлерой». Он производил впечатление вялого ребенка, с несколько сонным выражением лица, со светлыми локонами на голове. Мы пытались с ним заговорить, он дичился и жался к матери.

Его мать — пышная блондинка — показалась нам дамой строгой и важной. Она объяснила нам, что мальчик растет один и стесняется. Предложили ему поиграть в прятки. Он отнесся к делу серьезно и чуть не плакал, когда его находили. Доводилось встречать его и на Дворянской улице (теперь улица Куйбышева) — главной улице в Самаре. Он чинно шел со своей матерью, иногда она вела его за руку.

Таким он сохранился в памяти.

Мать его — Александра Леонтьевна — писала стихи. Помещала их в «Самарской газете» за подписью «А. Бостром», по фамилии отчима Алексея Николаевича.

После Самары я встретила с Алексеем Николаевичем уже в 1914 или 1915 году, в Книгоиздательстве писателей в Москве, где я сначала бывала по поручению Алексея Максимовича Горького, потом мне предложили войти в члены этого издательства. На одном из собраний я увидела худощавого молодого человека с длинными волосами. Это был Алексей Николаевич Толстой. Что-то мне в нем показалось знакомым, но сразу я не догадалась, что это бывший самарский «лорд Фаунтлерой».

Мы разговорились. Вспомнили о Самаре. И он изредка стал бывать у меня. В эти годы Алексей Николаевич был жизнерадостным человеком, веселым, остроумным, непохожим на вялого мальчика в детстве.

Как-то он пришел и попросил пойти вместе в театр «Летучая мышь», где он познакомит меня со своей невестой.

— Кто же она? — спросила я.

— А вот увидите...

Вечером в «Летучей мыши» он очень смеялся над моим удивлением, — его невестой оказалась Туся Крандиевская, которую я знала девочкой и встречала у Сергея Аполлоновича Скиммунта, в его чудесном доме в

Гранатном переулке, 22. Во время наших с Алексеем Максимовичем приездов в Москву из Нижнего мы обычно у него останавливались.

* * *

Алексей Максимович первый отметил крупный талант Алексея Николаевича Толстого. В 1910 году он писал Михаилу Михайловичу Коцюбинскому: «Рекомендую вниманию Вашему книжку Алексея Толстого, собранные в кучу его рассказы еще выигрывают. Обещает стать большим первостатейным писателем...» («Новый мир», 1928, № 1).

В том же 1910 году я получила письмо от Алексея Максимовича, в котором он говорил об Алексее Николаевиче:

«...В литературе нашей восходит новая сила, очень вероятно, что это будет первоклассный писатель, равный по таланту своему однофамильцу. Я говорю об Алексее Толстом. Напиши в «Знание», чтоб тебе послали книжку его рассказов, изданную «Шиповником». Или не пиши! — я сам напишу, сегодня же...»

С каждым годом, с каждой новой книжкой Алексей Николаевич рос как писатель.

Ряд лет он бывал в Москве лишь наездами, так как жил в Петербурге, в Детском Селе. В середине тридцатых годов, когда он переселился в Москву и жил на даче в Барвихе, встречи с ним стали частыми. Он был постоянным посетителем Алексея Максимовича в Горках или на Малой Никитской.

Алексей Максимович внимательно следил за творчеством Алексея Николаевича Толстого. Помню, в каком восторге он был от «Петра Первого». Неоднократно он читал тот или иной отрывок из «Петра» нам и своим посетителям.

* * *

Когда началась война 1941 года, городская квартира Алексея Николаевича была в том же владении, что и особняк, предоставленный Алексею Максимовичу Горь-

кому. После его кончины в этом особняке жила молодая часть нашей семьи. С начала войны моя невестка, Надежда Алексеевна, и мои внучки уехали в Ташкент, в этом доме осталась я.

Алексей Николаевич с Людмилой Ильиничной почти каждый день забегали ко мне, зачастую на ночь мы уезжали вместе в Барвиху, а иногда вместе отсиживались в убежище во время налетов.

Как-то мне не хотелось ехать на ночевку в Барвиху. Алексей Николаевич уговорил. А вернувшись в город на другой день, мы узнали, что был большой налет, упала бомба у Никитских ворот. На месте памятника Тимирязеву оказалась большая глубокая воронка, а самый памятник откинуло в соседнюю улицу. Взрыв был такой силы, что две ступени пьедестала памятника перекинуло через проезд Тверского бульвара и два владения по Малой Никитской, и эти тяжелые ступени, перелетев через крышу особняка, упали в садик на углу Малой Никитской и Спиридоновки (теперь улицы Качалова и Алексея Толстого).

Приблизительно к этому же времени Алексею Николаевичу было предложено заняться организацией всеславянских собраний. Он попросил меня помочь ему в этом деле, и мы решили употребить для собраний столовую-библиотеку «особняка». Лучшего использования дома, где жил Горький и сохранились мемориальные комнаты, нельзя было и придумать для военного времени.

Первые заседания Славянского комитета происходили в так называемом «особняке Горького».

Война точно всколыхнула в Алексея Николаевича чувство горячей любви к Родине. Незабываемы его статьи военных лет. Каждый читал их с волнением. Недаром они так вдохновляли наших воинов.

Алексей Николаевич в этих ярких и гневных статьях был не только горячим патриотом своей Родины, который живет каждым событием фронта,— он ненавидел фашизм во всех его проявлениях.

В конце октября 1941 года мне пришлось уехать из Москвы, и я встретила с Алексеем Николаевичем в городе Горьком. Ему предложили уехать из Москвы несколько раньше. Мы с неделю прожили в знакомом мне по прежним временам доме отдыха «Зимёнки» под

Горьким. Странно было первые дни не ждать налетов.

Оттуда мы эвакуировались в Ташкент, где постоянно встречались.

* * *

Вспоминается просторная столовая-приемная в доме Алексея Николаевича, которая стала центром, где нередко собирались попавшие в Ташкент москвичи и новые друзья по Ташкенту.

Большое участие принял он тогда в судьбе немецких эмигрантов, эвакуированных в Ташкент, где сразу не знали, как к ним отнестись. Помогал он и республиканской комиссии по эвакуированию детей, участвуя в концертах в пользу этой комиссии. Проявил Алексей Николаевич интерес и к эвакуированным детям. Однажды он отправился со мной на детский эвакупункт близ вокзала. Он внимательно вглядывался в каждого из ребят и как-то особенно осторожно говорил с ними.

Алексей Николаевич очень много работал и всегда был в курсе всех событий. Он был одним из наиболее активных участников Комиссии по расследованию фашистских зверств. Рассказывать об этом он не любил, говорил, что материалы этих расследований настолько ужасны, что переживать еще раз виденное слишком трудно.

Последние годы жизни Алексея Николаевича пленяло в нем увлечение садом, посадками на участке при даче в Барвихе. Нельзя было не залюбоваться им, когда он рассматривал новое растение или вновь распустившийся цветок или как он, вооружившись садовыми ножницами, подрезал ветки кустарника и деревьев. Не раз заставляла его в саду, когда он, присев на корточки, копался в земле, пересаживая какое-нибудь растение. Алексей Николаевич всерьез мог огорчаться, что его тыквы не вырастают такими большими, как у нас на даче, и выспрашивал Ивана Павловича Ладыжникова, который за ними ухаживал, в чем тут секрет. И все это было наряду с той большой общественной и литературной работой, которую он вел.

При встречах с друзьями это всегда был простой и милый человек.